

Александр ОРЛОВ

Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московское медицинское училище № 1 им. И. П. Павлова, Литературный институт им. А.М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Бийский вестник», «День и ночь», «Дети Ра», «Дон», «Дружба народов», «Литературная учеба», «Наш современник», «Подъём», «Сибирь», «Сибирские огни», «Юность». Автор сборников поэзии и прозы и книги для дополнительного чтения по истории Отечества «Креститель Руси».

Лауреат всероссийских премий имени А.П. Платонова (2011), Ф.Н. Глинки (2012), С.С. Бехтеева (2014), Н.С. Лескова (2019), Д.Н. Мамина-Сибиряка (2020) и других, обладатель «Золотого Витязя», а также специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017).

Живет в Москве.

УСТРОИТЕЛЬНИЦА

– Мам, а как мы поедем? – расположившись напротив Марии Викторовны, спросила Кристина.

– Ты все вещи собрала? – ответив вопросом на вопрос, заулыбалась Мария Викторовна.

– Мама, заканчивай всё держать под особым контролем. Пора запомнить, что твоя дочь вся в тебя, и если она собирается в дальнюю дорогу, то учитывает всё и всегда способом долгого предварительного обдумывания, – парировала Кристина.

– Исходя из текущих оценок в электронном журнале, наше родство у меня вызывает сомнение, – мама продолжала шутить над дочкой. Эта семейная идиллия длилась уже много лет. Они были одни на целом свете, по крайней мере им казалось именно так, когда они оставались вдвоём.

– Так как мы поедем? – не переставала интересоваться Кристина.

– Сейчас создан новый маршрут РЖД, так называемое комплексное путешествие. Покупаем билеты на поезд из Москвы с остановками в Санкт-Петербурге, Петрозаводске и последней в Сортавале, а там пересаживаемся на стыковочный «Метеор» до острова Валаам. Так называемый интермодельный маршрут, с использованием как железнодорожного вида транспорта, так и речного скоростного судна. Вот так! Да здравствует логистика! – воскликнула Мария Викторовна.

– Круто! – закинув руки вверх, подпрыгнула на месте Кристина.

Дорога до архипелага была быстрой и неустойчивой. Кристина пребывала в восторге от увиденного поезда, идущего в Крым из Санкт-Петербурга.

– Чей Крым? – игриво спросила Кристина.

– Наш!!! Был, есть и будет во веки вечные! – серьёзно, но улыбаясь, произнесла Мария Викторовна.

Но ещё большее впечатление на Кристину произвёл серебряный «Метеор» с логотипом РЖД.

– Мам, ты только посмотри! У них даже скоростные речные пассажирские теплоходы на подводных крыльях есть, ничего себе контора, я про РЖД, – удивлялась Кристина.

– Откуда такие познания, Крис? – Мария Викторовна была серьёзна.

– Мам, двадцать первый век! Всё есть в интернете, ты же сама как узнала о новом проекте? Само собой, в сети! Так и я о «Метеорах» и о том, что отличные мореходные качества позволяют им выходить в каботажное плавание в прибрежные районы моря, например, Варяжского моря, как ранее называли Ладожское озеро.

– Ммм... – протянула Мария Викторовна, – А то я стала уже подумывать, что у тебя появился в ухажёрах какой-нибудь речник.

– Нет, мам, у меня только ты и теперь Валаам, – срифмовала свой ответ Кристина.

На Валааме путешественницы остановились в комфортабельном доме паломника и дня подряд они изучали остров.

– Как тебе здесь, Крис? – поинтересовалась перед сном Мария Викторовна.

– Потрясающе, мамуль! Я помню название каждого скита, все двенадцать святых у меня остались в памяти, – похвасталась Кристина.

– Докажи! – раззадорила дочку Мария Викторовна.

– Ну, считай! Никольский, Всесвятский, Предтеченский, Сергиевский, Ильинский, Святоостровский, Смоленский, Гефсиманский, Воскресенский, Коневский, Владимирский и Авраамиевский. Всё точно? – уточнила Кристина.

– О чём ты вдруг задумалась? – спросила Мария Викторовна, внимательно посмотрев на дочку.

– О том, что в красивых местах время тянется и незаметно уходит в прошлое. О том, что сосновые леса светлые и просторные, что они пропитаны запахом смолы и хвои, а вот ельники густые и тёмные, а ещё и влажные, о том, что в подлесках растут жимолость, и можжевельник, калина и ива, а ещё о том, что мать-мачеха золотистая, а хохлатка розовая, и ещё я немного злуюсь, что ты не дала мне сорвать ни единой кувшинки и лилии, а анютины глазки и фиалки разрешила, – немного расстроено посетовала Кристина.

В последний день Мария и Кристина Вороновы прощались с островом, а в ночь перед отъездом Мария Викторовна спросила:

– Крис, ты отдохнула?

– Да, мамуль, я не просто отдохнула, я насладились и запомню эти валаамские три дня на всю жизнь. Спасибо тебе за всё, – она обняла и поцеловала мать.

– Я рада, я очень рада, – протянула Мария Викторовна и добавила:

– Господи, я так хочу, чтобы ты была счастлива, чтобы ничего с тобой не случилось плохого, чтобы все беды обошли тебя стороной и ты вспоминала только счастливые моменты жизни.

– Мамуль, я и так счастлива. У меня есть ты, и ты жива, ты здорова, тебе скоро тридцать шесть лет, а я читала, что это третий круг жизни. Ты будешь счастлива, и я буду счастлива, ты у меня на двадцать восемь лет выглядишь, тебе никто больше не даёт, ты у меня ещё замуж выйдешь, а я на твоей свадьбе буду гулять, – и Кристина ещё раз поцеловала маму.

– А я на твоей, – рассмеявшись, поцеловала в ответ дочь Мария Викторовна.

– Только знаешь, мамуль, я всё помню и никогда ничего не забуду. Помню, как стояла и смотрела в Рубежном на бродячих собак, которые грызли трупы нациков, как кобели и суки вылизывали мозги из оторванных голов. Так странно, я думала, что у этих нехристей вообще нет мозгов, ни единой извилины, а вот собаки отыскивали. Даже порой злилась на наших, которые две недели с восходом солнца приезжали, прогоняли собак и аккуратно грузили до темноты погибших всушников и нацбатовцев. Они этого недостойны. Их надо было обратить в пепел, и развеять по ветру на все четыре стороны света, и никогда не вспоминать о них, – Кристина положила голову матери на колени, её взгляд был обращён в никуда, словно её здесь не было.

– Не надо, моя сладкая, не думай об этом, всё позади, – запричитала Мария Викторовна.

– Нет, мам, всё только начинается. Это не мы к ним пришли, это они к нам, да ещё с документами на наши дома и квартиры, на всё, что наше, наших предков. Может, молодость и жестока, но она ещё бывает и справедлива. Они ещё не ответили за погибших школьников, которые возродили «Молодую гвардию» и дали им бой в лесу под Лисичанском, там были и те, которых я знала, сколько им тогда было – четырнадцать, пятнадцать, самым старшим семнадцать, только они насмерть стояли. Мало кто уцелел, а эти черти что сделали, когда поняли, что с ними подростки воевали так храбро, лес оцепили и от своего стыда их тела уничтожали. Трусы! – Кристина тихо плакала.

– Успокойся... не вспоминай, побереги себя, девочка моя, я тебя очень прошу, – Мария Викторовна старалась остановить поток воспоминаний, но это уже было невозможно...

– Ты помнишь, как возила меня в Ровеньки? В музей «Молодой гвардии»? – спросила Кристина.

– Конечно... – прошептала Мария Викторовна.

– Там в камере смертников я прочитала и запомнила наизусть слова Любы Шевцовой: «Мама, я тебя сейчас вспомнила. Прошу простить, взяли навеки. Твоя Любаша». Понимаешь, мама, история повторилась. В подвалах гестапо в 1943 году мучили Любу Шевцову, надругались, выжгли у неё на теле несколько звёзд, а потом с поседевшим во время пыток и допросов Олегом Кошевым расстреляли в Гремучем лесу, я только сейчас поняла, что история повторилась спустя десятилетия, те же звери в людском облиции, та же человеконенавистная идеология, только другое время, но и тогда и сейчас погибали мои земляки, ты знаешь, отец Александр сказал мне, когда мы остались с ним в храме, что это не люди, и добавил, что из уст священника может показаться странным, но это бесы, которых надо уничтожать. Здесь на Валааме я поняла, что бесы верят в существование Бога, поэтому ненавидят его от собственной грязи, от неминуемой кары, и всю свою мерзость они направляют на верующих людей, на людей, сильных духом и чистых душой, их уничтожение и

уничтожение есть главная цель, понимаешь меня, мама? – Кристина смотрела неотрывно в глаза матери.

– Понимаю, моя милая, всё я понимаю, и, может быть, лучше тебя, а ещё вспоминаю экскурсовода музея Татьяну Степановну. Ты представляешь сколько лет она работает в бывших застенках гестапо? Это не работа! Это служение! Дай бог ей сил на многие годы, – не отводя глаз, ответила Мария Викторовна.

В комнате на минуту воцарилась тишина.

– Знаешь мама, я когда на Валаамскую Богородицу смотрела, то нашу Луганскую вспоминала, сияющие капельки на её образе и думала о том, что так плачет мать за своих детей, за их горькую долю, а слёзы Начальницы Тишины даром не проходят, они предвестники гнева Господнего. Мама, а как нам всем забыть, что в разрушенном Северодонцке, где дьяволята не просто по храму лупили, а из крупнокалиберного пулемёта икону Богородицы расстреливали да корреспондентов со всего мира привозили, чтобы на русских всю вину свалить. Как забыть, что стреляли эти отморозки по интернату в Новоайдаре, когда там детей было полно, как в Лутугино у собора Трёх Святителей шли бои, а в подвале прятались и молились женщины, старики и дети, так же в Северодонцке было, можно продолжать до бесконечности. А что весь мир? Кроме России, все остальные превратились в слепых зрителей. Классная позиция, когда каждый рассуждает о мировых проблемах, о борьбе добра и зла, исходя из зоны собственного комфорта. Это и есть высшая стадия человеческой гордыни. Мой комфорт превыше всего!

– Ты уже почти взрослая и должна понимать, что люди все разные, у каждого есть особые качественные подходы к жизни, свои мировоззренческие установки, понимаешь, о чём я? – спросила дочь Мария Викторовна.

– Конечно, понимаю! – вскрикнула Кристина и добавила:

– У нашей географички сын на Донбассе воюет, а у завхоза бегаёт от призыва, кому война, а кому и мать родна – так ведь говорят. Один долг исполняет, а другой на родительские бабки прячется, один жизнью рискует, а его ровесник жир нагоняет, что непонятного.

– Давай спать, воительница, – предложила Мария Викторовна расшумевшейся дочери.

– Я мама, не воительница, а будущая устроительница, – уверенно ответила Кристина.

– И что ты собираешься устраивать? – удивлённо поинтересовалась настороженная мама.

– Жизнь, мама, нашу жизнь. Я буду поступать в Дельвиговское железнодорожное училище, так ранее именовали Московский колледж транспорта, который сейчас является структурным подразделением Российского университета транспорта, вот так, мамуля, – Кристина своими планами не переставала удивлять маму.

– Прости, а с чего ты это вдруг решила? – всё ещё пребывая в удивлении, спросила Мария Викторовна.

– Ты знаешь, у них всё в порядке с логистикой! – рассмеявшись, ответила Кристина и добавила: – Я уже смотрела на сайте колледжа два отделения, которые меня интересуют, это «Операционная деятельность в логистике» и «Организация перевозок и управление на транспорте».

– На чём это всё основано, Крис? – развея руками, крикнула Мария Викторовна.

– Мы делаем выбор сердцем, мамуля! Я отучусь в колледже, поступлю в университет, выйду замуж, – порыв Кристины был прерван Марией Викторовной:

– Ого-го-го!

– Мама! Я не просто матью хочу стать, а многодетной! – она говорила твердо и громко, и уже ничто не могло остановить её.

– Да, да! Именно многодетной! Для чего все они завалили школьные и городские библиотеки республики детскими книгами об однополой любви, воинственными книгами, в конце которых читатель должен убить любого, кто не согласен с его избранностью? Мать или отца, брата или друга! Я знаю ответ! Они хотят, чтобы мы не рождались, недавно Путин сказал точнее – чтобы мы вырождались, но только Бог не в силе, а в правде. Поэтому в наших школах теперь рядом с портретами героев Великой Отечественной войны соседствуют портреты героев Специальной военной операции. Пройдёт немного времени, и я сделаю карьеру и буду восстанавливать железнодорожное сообщение по всей ЛНР, и понесутся по родной земле поезда имени героев Третьей мировой войны, а я буду автором этого проекта. На днях я прочитала в интернете одно стихотворение, котором говорится, что мальчишки будут играть в Арсена Павлова, Михаила Толстых, Александра Захарченко и всех героев Донбасса, это будут мои дети, а это значит – твои внуки...